

АЛФАВИТ

Специальный выпуск газеты Свято-Петровской школы

Война и мир

Сцены из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»

Премьера состоялась 12 октября 2012

Действующие лица и исполнители:

Автор	Иван Лазарев	Русские офицеры:	Александр Шишков, Фёдор Егоров, Павел Емельянов
Пьер Безухов	Савва Комейко		
Кн. Андрей Болконский	Савватий Близнок	Партизаны:	Иван Игнатьков, Богдан Будзуляк, Сергей Владимиров
Князь Н. А. Болконский	Сергей Лебедев		
Княжна Марья Болконская	Ксения Калужнина	Французские офицеры:	Василий Лебёдкин, Александр Силантьев
Граф Ростов-отец	Борис Кречетов		
Графиня Ростова-мать	Елизавета Стриевская	Автор инсценировки	О. В. Смирнова
Граф Николай Ростов	Юрий Матвеев	Режиссёр-постановщик	А. М. Синяева
Графиня Наталья Ростова	Арина Темес	Режиссёры	Е. А. Семёнова, Н. А. Соловьёва
Граф Пётр Ростов	Алексей Растатуев	Художник по костюмам	Е. Б. Катомина Т. Г. Волкова
Соня, племянница гр. Ростова	Александра Склярва	Звукорежиссёр	А. А. Прохорова
	Игнатий Переслегин	Балетмейстер	Е. Аверина
Кутузов	Иван Петров	Свет	А. И. Аргамкин
Наполеон	Сергей Филин	Техническая поддержка	М. М. Сушкина, Г. В. Донскова, Д. В. Пирогов, А. А. Доколина, Е. Смыслова, А. Бацман, А. Стриевская, И. Нефё- дов, А. Шишков и все классные руководители.
Денисов	Иван Нефёдов	Техническое обеспечение	П. В. Растатуев, В. Н. Кожаренко
Платон Каратаев	Владимир Емельянов	Организатор спектакля	Н. С. Николаева
Ермолов	Иван Карнаузов		
Вольцоген	Иван Растатуев	Музыка	А. Брукнера, М. Глинки.
Алпатыч	Пётр Красовицкий		
Маршал Бертье	Семён Склярв, Роман Тимошин, Елизавета Аверина, Татьяна Нефёдова, София Доколина, Елизавета Надольская, Варвара Си- матова, Серафима Давыденко, Мария Максимо- ва, Мария Петухова, Варвара Растатуева, Елиза- вета Усачёва		

Невозможный спектакль

Сейчас участникам «проекта», наверно, кажется, что все происходило как обычно. Сценарий. Пробы. Репетиции. Костюмы. Музыка. Накладки и неразбериха. Прогон. Спектакль. Аплодисменты. Занавес (невидимый, но осязаемый). И можно снова начинать учиться, а отдохнув, браться за новую постановку.

В каком-то смысле так оно и есть. Без привычной, рутинной работы не бывает ни большого спектакля, ни маленького. И разница между ними в основном количественная: для большого спектакля всего нужно гораздо больше. И репетиций, и костюмов, и музыки, и нервов, и неразберихи...

Однако разница между даже большим и хорошим сказочным спектаклем (вроде «Тарена») и постановкой по «Войне и миру» огромна. И то, что теми же вроде бы средствами удалось решить неизмеримо более сложную задачу – это чудо. Точнее, целая цепь чудес.

«Война и мир» очень большая, и в ней все важно. Нельзя «выбросить» Бородинское сражение, политику, авторские рассуждения, сложные внутренние монологи героев – то, что составляет ткань романа, но абсолютно несценично по своей сути. К тому же мы очень ограничены во времени. Четыре тома за час – это, что называется, не смешно. А антракт мы устроить не можем.

Техническое решение было подсказано самим Толстым: ввести как действующих лиц светских «статистов» и Автора, которые взяли на себя и исторический фон, и сюжетные увязки, и философский взгляд на происходящее. Это удалось написать – не на час, а на полтора (предел зрительских возможностей в наших условиях), что, в сущности, ничуть не проще. Но, главное, это удалось сыграть. Автор (И. Лазарев) открыл спектакль, заставив зрителей сразу и слушать себя, и думать вместе с Толстым над тем, как жизнь людей связана с историей – не много и не мало.

«Светские» интермедии сыграть было ничуть не проще, чем главные роли, потому что требовалось создать впечатление исторической достоверности – живой и естественной. Бывает, что и в

профессиональном театре морщишься от актерской фальши, отсутствия верного стиля и тона. А тут не было фальши. Наши актеры сыграли эпоху ярко и достоверно, и это почти невероятно.

Когда (еще летом) прикидывалось распределение ролей, стала очевидна еще одна «невозможность» этой постановки: у нас довольно маленькая школа, и нам могло просто не хватить исполнителей. Сейчас многие удивляются, как «идеально» подобран актерский состав. И в самом деле, чудо, что удалось найти в нескольких небольших классах и Пьера, и Наполеона с Кутузовым, и семейства Ростовых и Болконских, и Платона Каратаева – убедительных, «толстовских», таких, что никто с досадой не подумал даже в первую минуту: разве это Наташа (Андрей, графиня Ростова)?.. А

ведь в очень известных фильмах от такой мысли не удается отделаться до самого конца.

Наивно думать, что у нас в школе собрались прирожденные толстовские герои. Произошло то, что можно назвать актерским вживанием в роль, перевоплощением. Это всегда трудно, но в сказочном спектакле на порядок проще, чем в реалистическом, где персонаж психологически сложен и объемен. И далеко не каждый режиссер может добиться и от профессиональных актеров такого погружения в образ. При том, что в театре спектакли репетируют несколько месяцев, а иногда и лет, а у А.М. Синяевой на все был один месяц.

Мы привыкли к тому, что костюмы в итоге будут – и именно такие, как нужно для спектакля. Надо только спуститься в подвал, найти Е.Б. Катомину, и она прямо на глазах совершит чудо: из ничего соорудит и бальное платье, и императорский мундир. Как? Нам этого не понять. Это такой талант и профессионализм, который выглядит обыкновенным чудом, волшебной палочкой феи-крестной. На сей раз было еще допол-

нительное чудо: для школьного хора еще летом сделали кивера и еще кое-какие военные аксессуары. Как же онигодились в спектакле!

Первая репетиция, которую я увидела, казалось, подтвердила ту здравую мысль, что поставить «Войну и мир» в школе за месяц невозможно. И нечего было пытаться. Военные своею «выправкой» напоминали толпу разбойников с большой дороги. Светские барышни двигались с грацией дорожной техники. «Массовка» валялась возле стен на физкультурных матах, слушала музыку, устраивала потасовки и не думала включаться в спектакль, как будто их все это не касалось. Главные герои уныло забывали текст. На сцене жил только старик Болконский (С. Лебедев), но одного актера явно мало, чтобы спасти спектакль. Музыка... Когда она окончательно встала на место, то заменила собой почти все, что не удалось внести в текст: и фон, и настроение, и мысли. Но недоделанная музыка мешала в такой же мере, в какой она в итоге помогала... Анна Михайловна бодро сказала: надо работать. Сколько часов ушло у нее и у Е.А. Семеновой на то, чтобы из 8 дисков собрать точно выверенные до секунды музыкальные фрагменты?.. Через неделю стало видно, что спектакль в любом случае не провалится, даже если больше ничего не удастся поправить. Еще через неделю была премьера...

О.В. Смирнова

Строители

Начало

А началось всё ещё в 2011/2012 учебном году. О таком эпохальном событии, как 20-летие, естественно задумываться заранее, издали, чтоб не наступило оно, как часто бывает, «совершенно неожиданно». И я тоже думала в своём, театральном направлении, советовалась с умными людьми. Сначала в мыслях была полная сумятица, эдакое перевозданное месиво. Потом начали, как в клочущем гейзере, выпрыгивать какие-то смутные очертания идей. Некоторые из них отвердевали и клались в копилку. Копилка периодически перебиралась, что-то выкидывалось, что-то добавлялось. В общем, процесс поиска шёл почти год. К весне расцвели новые идеи, которые перечеркнули все осенне-зимние конструкции. Весенний урожай идей был совсем не плох, надеюсь, мы ими ещё воспользуемся. Но не было такого, на что можно было бы отреагировать: «Эврика!» ...

И вот однажды (честно говоря, не помню когда именно, помню лишь, что в ночи) пришла мысль о знаменательном совпадении нашей даты «20-летие» с Бородинским «200-летием». И о подобии природы двух дат, ведь наш юбилей – тоже победа! Победа, конечно, меньшая в масштабе истории, но героические усилия тех, кто создал гимназию, рисковал, жертвовал, сравнимы с подвига-

ми героев 1812 года. Я, например, помню, как возила Владимира Павловича Сухова по делам гимназии, а он был уже очень тяжело больным человеком. И это лишь одно воспоминание о мужестве, а сколько этих повседневных подвигов было заложено в основание нашего 20-летия!

Дальше ассоциация стала раскручиваться, ища адекватное художественное выражение, и буквально на втором или третьем витке появилась «Война и мир». Но первая реакция была – задуть эту мысль! Ведь кроме чистой идеи нужен и расчет практических путей её воплощения. А на практике вылезали огромные минусы: слишком объёмная глыба повествования со множеством сюжетных ходов и слишком короткое время с начала учебного года для её воплощения. Да и множество других сопутствующих потенциальных препятствий скопом полезли в голову. В общем, мысль о «Войне и мире», как показалось на тот момент, была твёрдо отклонена, получив наименование «авантюры» ... Но не тут-то было! Во-первых, эта «авантюра» оказалась очень живучей, она сияла и дразнила своими переливами, и заставляла невольно обдумывать себя в практическом русле. Конечно же, всплыло имя «Оксана Вениаминовна» с извечным обращением к Золушке «Ты всё можешь!», но это было бы только самое начало,

а потом? Непролазные дебри неподъёмных задач и задачек. Нет и ещё раз нет! Нельзя же самим себе яму рыть!.. Но, во-вторых, я оказалась человеком честным (хотя, может, это и по-другому называется) и скрыть «авантюрную мысль» не посчитала возможным. Первому я рассказала обо всех идеях отцу Андрею, постаравшись представить в более выгодном свете всё, кроме «Войны и мира». А «Войну и мир» представила как невозможную по миллиону объективных причин, по-моему, очень убедительно живописуя их. Но интуиция (или чувство опасности) меня не подвела и истинно заинтересованные глаза отца директора вкупе с его знаменитой многозначительной улыбкой я увидела лишь в реакции на «Войну и мир»! фото 1.1. Ну, ничего, оставался совет учителей, где я сделаю упор на бреши в учебном процессе – ещё не всё потеряно!.. Идея «Войны и мира» очаровала их так же моментально, как и меня, своей органичностью, не зацепив, однако, большинство шипами практического воплощения. Последний бастион в лице педагогов оказался ненадёжным, сдался практически без боя – яма была вырыта!..

Но яма эта оказалась ямой-наоборот, т.е. рогом изобилия чудес. Итак, чудеса по порядку.

Соавтор Льва Николаевича.

На совете учителей я боялась взглянуть на Оксану Вениаминовну при озвучивании «авантюры», ведь первый залп придётся по

ней – только она сможет достойно осуществить задуманное. На помощь был выдвинут Булгаков со своей драматургической переработкой четырёхтомника. Правда, его пьесу в театре перед войной показывали 2 вечера, но это уже всё-таки сжатое и переложенное для сцены действие. Нам ли привывать после целины пятитомного Тарена?.. Главное, бороться с трудностями по мере их поступления, не заглядывая вперёд, дабы не ужасаться...

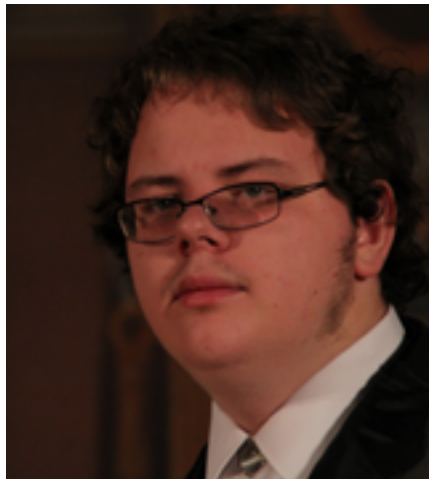
Булгаков пригодился лишь в качестве психологического буфера. Его творение, прочитанное уже после принятия репертуарного решения, оказалось не совсем подходящим. Мы обсудили сюжетные линии, которые хотелось бы видеть на нашей сцене, и Оксане Вениаминовне предстояло фигурно пробураться через мощные слои Толстого. Что она и сделала к середине июля и вышла полным победителем! Первый же (!) вариант сценария мне очень по-

правились, были лишь небольшие технические поправки и несколько добавлений. И так, начальная труднейшая задача была решена чудесным образом. Хотя и были скептики, выбивающие из-под ног первые появляющиеся кочки. Они сомневались, можно ли одушевить, по сути, большую литературную композицию. Я, честно говоря, тоже не представляла, КАК это сделать. Но мне, безотносительно постановки, очень понравилась литературная основа, и это воодушевляло и обнадёживало.

КАСТИНГ, или «не место красит человека...»

Где взять 15 главных и 25 почти-главных героев? Точных, не сказочных попаданий в едва ли не живые, гениально выписанные Толстым, известные всему миру образы? Но наступил и этот страшный момент, который до того отодвигался из инстинкта самосохранения. Подспорьем слу-

жили «тайные» списки учеников гимназии, составленные летом – от 5 до 10 человек на роль!..

Кто-то, по-моему, А.А. Прохорова, на обсуждении уже сыгранного спектакля сказала: понятно, что на Болконского был один незаменимый претендент – С.Близнюк. А вот и нет, Анна Александровна! Конечно, я имела счастливый опыт работы с Савватием над спектаклями (в успех которой вначале не верилось, учитывая выматывающий опыт общения с ним как с просто гимназистом), где он наконец-то и проявил себя настоящего – трудолюбивого, честного и благородного. Но здесь – другое дело, это 20-летие, и мотивы подбора актеров были объективны. Так что на Болконского было 4 претендента. И Савватий выиграл в честной борьбе.

Единственным безальтернативным был Савва Комейко на роль Пьера – но это для меня он был таковым! Я знала его глубокую и мощную натуру, его «самое зо-

лотое сердце», а не только маску записного балагура. И совсем не так его воспринимали многие окружающие, видя лишь внешнее сходство с Пьером и уверяя, что Савва роль загубит.

Вот оно! началось с сомнений по поводу сценария, перекинулось на музыку, потом на актёров и так далее, со всеми остановками. Я сама ничего не знаю, ни в чём не уверена, трушу, трепещу, а все справедливые резоны по каждому поводу приводят любимые и уважаемые мною люди из лучших побуждений, искренне волнуясь за спектакль. Я по природе человек мягкотелый, – не смейтесь, дорогие участники спектаклей, читая это признание, просто по жизненным показаниям пришлось обрести крепкий панцирь – да-да! Но у многих народов есть постулат о том, что «положение обязывает», у русских, например, в выражении о «грузе в кузове»... В общем, все народы сходятся в том, что бить будут крайнего – в данном случае режиссёра, поэтому он волей-неволей должен стать волонтаристом, навязывающим свою волю, или хотя бы достоверно делать вид, изображая такового. Иначе вся ткань спектакля ли, фильма ли расплзётся... Но как же тяжела ты, шапка «крайнего», как непосилен иногда груз выбора, за который, в конечном итоге, в ответе только ты! А результат-то ВСЕГДА непредсказуем. В этом смысле мне часто близко чувство Бориски из фильма А.Тарковского «Андрей

Рублёв» – героя, который якобы уверенно руководил отливкой колокола, не зная, как это делать и что получится...

Но насколько бы ему было легче, если бы у него в единомышленниках была чудная Е.А. Семёнова. А у меня она была (и есть)! Наверное, я сломалась бы без неё, без её энтузиазма, тонкости, готовности помочь, утешений, заботы – и единомыслия...

Большой интригой для многих была кандидатура на роль Наташи, о ней – первые вопросы выпускников и других заинтересованных лиц. В легнем списке было четыре «актрисы», у каждой из них были свои несомненно очень сильные стороны, но всем требованиям в комплексе не удовлетворял никто, короче, «если бы нос Ивана Ивановича да...». Но и надеяться найти 100%- или хотя бы 80%-процентную Наташу при ограниченном рамках гимназии выборе было бы наивно, поэтому была готовность работать и «лепить» Наташу из максимально подходящей из четвёрки девочек...

На первое прослушивание, поддержать подругу, зашла «малявка» из 8 класса. После проб она попросила тоже почитать Наташу. Первое желание было: не терять времени, которого и так нет, но стало жаль её, и я «великодушно» разрешила «потратить» ей немного своего драгоценного. Как же я радовалась потом своему «великодушию» и как вздрагивала, представив упущение этой возможности. Девочка начала читать – и с первой секунды стала Наташей, проявив неожиданную глубину и точность попадания в образ! К концу чтения во мне боролись два чувства: вот она, 100%-ная! и горечь, что мы ну никак не можем её взять в силу возраста и комплекции «дюймовочки». Вот если бы хотя бы через годик! Нина Афанасьевна Соловьёва, участник «избирательной комиссии» (низкий поклон ей за помощь и поддержку!), тоже сокрушалась, но как-то безнадежно. Екатерина Александровна больше была склонна к авантюре, я же пыталась найти разумное равновесие. А разум не позволял брать Арину (так, выяснилось после проб, её звали)...

Но внутри что-то беспокоило – ведь так точно попасть в образ, для которого режиссёры кино перелопачивают тысячи претенденток – это чудо! Снова – перепробы, чтобы уж точно отвязаться от этой навязчивой и фантастичной идеи. И что же? Интуиция и чувства перевесили разум, и я, нервничая и сомневаясь, но при

горячей поддержке Е.А., решилась взять Арину – и тут же всё волнение улеглось. Так успокаивается сердце, когда поступишь не по расчёту, а по правде... В процессе работы, познакомившись с Ариной ближе, мы оценили, насколько она и внутренне близка одной из лучших героинь русской классики.

Едва ли не большей головной болью были полководцы. Какие только идеи не приходили, чтобы обойти их прямое выведение на сцену! Это ведь исторические, а не выдуманные персонажи, и даже не стремясь к портретному сходству, надо найти соответствующее нутро. И найти именно двух – или не будет ни одного, и все сцены с их участием автоматически вылетят, сильно обеднив замысел. Наполеон выплыл, откуда не ожидали: Ваня не был в летнем списке

Наполеонов, но он неожиданно точно уловил очертания роли и убедил нас достаточно быстро в своей «подходимости».

На Кутузова был один, но сомнительный претендент. Сомнительный потому, что сложно было представить, как он себя покажет. Мысленно мне представлялось – то совсем неплохо, то никак. Боясь разочароваться, я оттягивала пробы – вариант-то один. Когда же Игнат, не очень умеющий читать «с листа», послушал минимум, который от него требуется, и прочитал первый абзац, стало ясно, что из этого человека выйдет Кутузов – вернее, уже слышится голос любимого фельдмаршала. Сознаюсь, наш Кутузов – моя слабость, каждый раз я непроизвольно начинала счастливо улыбаться, слыша его главнокомандующего.

«Соня» получилась в результате благородного непризнания себя «Наташей» Саши Склярской. И, по-моему, Соней она стала настоящей, 100%-ной! В этой роли она проявила и своё изящество, и лиричность, и чуткость. А как она, более опытная в нашем школьном театре, помогала Наташе – Арине! Я всегда знала о высоких Сашиних качествах, но наблюдать их такой богатой россыпью было невыразимо радостно, до слёз.

Петя Ростов сразу был замыслен с лицом Коли Артамкина, с ним мы и начали репетиции, но вмешалось его ранение на Бородинском поле, и у него появился героический дублёр – Лёша Расатуев, которому пришлось при общем лихорадочном темпе работать вдвое эффективнее. Пети были разными, два спектакля сыграл Лёша, один – оправившийся после ранения Коля. Чему я очень рада, получилось интересно и многогранно.

Николенькина судьба была изменчива – главный претендент на роль долго нас держал в подвешенном состоянии, другие четверо не подошли, в какой-то момент ожидание сделалось невыносимым, и им стал Юра Матвеев – не из списка Николаев, но человек, к которому точно подходили слова Николая Ростова: «Я не дипломат, не чиновник, не умею скрывать того, что чувствую!»

С отцом семейства мы разобрались быстро – им стал Боря Кречетов с его истинно аристократическими манерами.

А вот с графиней ему под стать, да которой ещё достанется самый трагичный кусок, было очень туго: никто не тянул. До сих пор не пойму, почему Лиза Стриевская не попала в первые ряды графинь, это же было так очевидно (кстати, на репетициях это проявилось ещё

и в её очень дельных замечаниях и в помощи по действительному воспитанию манер у наших актёров) – отношу это просто к беспомощности. Но первые же нотки графини в её исполнении вселили уверенность – «она!», апофеозом же стало чтение письма о смерти сына и наше с ней совместное рыдание... Потом мы, конечно, щадили Лизу и эту сцену репетировали как можно реже, но рыдали каждый раз.

Бесспорным фаворитом на роль старого Болконского был Серёжа Лебедев (для меня), хотя у него и были конкуренты. Сам он, в отличие от меня, колебался, но в результате полюбил своего князя – ведь часто начинаешь любить то, что хорошо получается, а князь из него получился высшей пробы.

Княжна Марья «родилась» неожиданно, в летнем списке было 7 гимназисток, и среди них не было Ксюши Калужниной – тоже по причине амнезии. Но случайный взгляд, брошенный на неё в на-

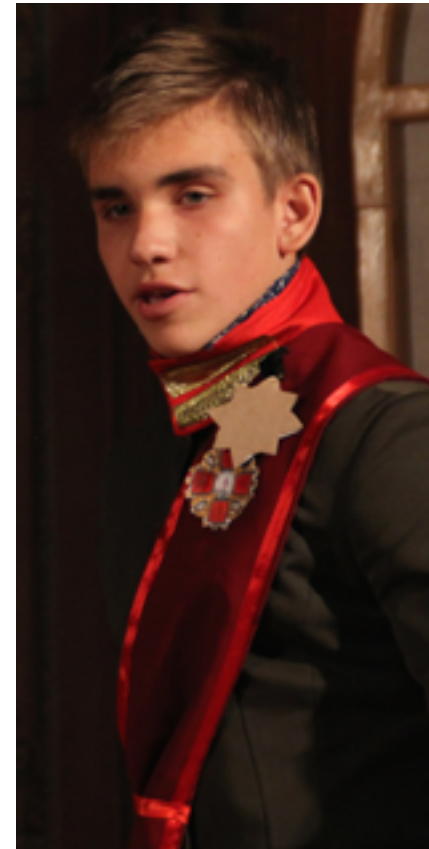
чале сентября, сразу заставил забыть семерых... Потом часто возникал вопрос, откуда в девочке XXI века столько от века XIX?

Вообще, очень важным было то, как герои смотрят друг с другом. «Голубчика» Денисова искали, в основном, в пару к Пете Ростову. Все наши претенденты на роль Денисова оказались уже разобранными на других героев, и «новенький» Серёжа Филин сразу попал на завидную позицию. Он недолго привыкал к нашим реалиям, «кавалерийским наскоком» влетел в процесс – совсем по-денисовски, и помог донести всю трагедию Петинной смерти.

Очень сложно было с носителем лучшего в русском народе – Платоном Каратаевым. На его роль мальчишки подходили только внешне, по «круглости», но не могли передать внутренний свет

этого человека. Тупик был затяжной, но при парадоксальной мысли о Ване Нефёдове стали появляться проблески. Конечно, внешне он был не просто неподходящим, а «перпендикулярно» неподходящим, и мы долго его даже не пытались пробовать. Потом же рискнули, решив, что важнее его

неподражаемое излучение света и добра, которое в состоянии перевернуть душу.

Доказательством правильности выбора послужило признание Автора - Оксаны Вениаминовны в том, что Ваня-Каратаев стал её любимым персонажем.

Очень важная роль была уготована так называемому салону: они должны были передать сконцентрированную атмосферу и войны, и мира. Сколько важных мыслей Толстого и его непоказанных в спектакле героев было вложено в их уста! Сема Скляр, например,

произнёс одну из самых важных для меня и поэтому «заказанную» фразу об истинной принадлежности победы в войне 1812 года. Один из младшеклассников проникся к нему особой любовью и желанием подражать.

Сёмин патриотизм тонко оттенил дипломат-конформист Рома Тимошин. Женскому обществу нужна была «хозяйка», и эту роль мы поручили опытной актрисе Лизе Авериной, с которой наш «свет» и обрёл цельность.

Очень оживляла и организовывала свой кружок чудно вошедшая в роль Соня Доколина. Вообще все участницы «салона» были по своему очаровательны: и статная

Таня Нефёдова (не ставшая Элен по причине её отсутствия в сценарии), и изящные дамы, к тому же танцующие на балу – Сима Давыденко, Варя Растатуева, Лиза Усачёва, Маша Петухова, и дамы, «просто приятные во всех отношениях» – Варя Симатова, Лиза Надольская, Маша Максимова.

Невозможно было показать сцены войны без воюющих, поэтому из гимназической братии надо было изыскать достойных офицеров обеих армий и партизан, что оказалось не так просто. Кто-то просто не хотел на «маленькие» роли, а кто-то и не подходил...

Но после спектакля не было ни одного персонажа, которого бы не отметили. Одним понравился очень «офранцузившийся» изящно-валяжный Петя Красовицкий и мужественно сыгравшие

бегущую армию Саша Силантьев и Вася Лебёдкин, другим – благородные русские офицеры (обретшие понятие о выправке и дисциплине) Володя Емельянов, Саша Шишков, Ваня Карнаухов, Федя Егоров и Павел Емельянов (особая благодарность классу, вы-

ручившему надёжными людьми русскую армию), многие умилились славным русским партизанам – истинно «народному» Ване Игнатькову, солнечному Богдану Будзуляку (недаром последняя фраза досталась ему), звонкому Серёже Владимирову. И все, кто

поучаствовали, даже в небольших ролях, были в результате очень рады этой сопричастности.

Особо хочется сказать об Авторе – Ване Лазареве. Уж как ему не хотелось «играть» эту роль, к каким ухищрениям он не прибегал! Ничего, бедняге, не помогло, так как после проб альтернативы ему не было. Никто больше

не смог бы так держать внимание зала во время объёмных кусков авторского текста, так попадать в музыку, что, конечно, явилось результатом его терпеливых репетиций для расчёта соответствия музыки и текста (только Савватий

ещё подвергся подобной экзекуции «расчетливостью»). Ваня стал крепким стержнем спектакля и в конце концов оценил свою роль по достоинству.

Некоторые участники спектакля выполняли не только актёрские задачи. Лиза Аверина воистину выручила нас, смело взявшись за работу так и не найденного нами балетмейстера и выполнила её блестяще, за что ей низкий поклон и от меня, и от танцоров, которым было очень приятно работать с Лизой. Они её слушались, совершенствуясь в грации и танцуя с удовольствием (правда, пока не появлялась я и не начинала «придираться»). С Ваней Нефёдовым мы допоздна делали программку,

и он самоотверженно довёл дело до конца. Саша Шишков в критической ситуации помог с нарезкой музыки. Девочкам-актрисам с примкнувшими Лизой Смысловой, Аней Бацман, Аней Стриевой и Варей Гавриловой очень благодарна Елена Борисовна Каптомина за разнообразную помощь в художественном оформлении.

Репетиции – от слова «повтор».

Очень часто во время подготовки спектакля говорила себе словами Скарлетт: «Я подумаю об этом завтра!» На смену грозным сценарным, кастинговым и др. волнам пришёл девятый вал непосредственно репетиций. Навязчивый вопрос и от детей, и от взрослых: «А

разве можно всё успеть за месяц?» был, конечно, правомерен, тем более что мне он тоже всё время лез в голову. Но я его пресекала в корне, иначе невозможно было бы работать. Вопрошающие не знали, что месяца у нас тоже не было – пять учебных дней разошлись по разным причинам без репетиций... Но – «делай что должно – и будь что будет», и мы начали.

Основной удар пришёлся по Пьеру, Андрею, Наташе и Соне. До сих пор вспоминаю (и всегда буду) с благодарностью их исполнителей, которые не капризничали, терпеливо прорабатывали со мной (почти) вовремя учили огромный текст. Каждая фраза Толстого – как плоская крыша небоскрёба с высоты птичьего полёта, а под ней – многоуровневое строение, и надо все эти уровни познать (иногда часы уходили на одну фразу), переварить и усво-

ить (т.е. сделать «своим»). В этом смысле зрители часто находят общее в актёре и герое и считают, что он «просто» играет себя. Знали бы вы, дорогие зрители, какой длинный путь надо проделать от себя до якобы «просто играть себя»! Тем более что полного совпадения не бывает никогда...

Более опытные Савва и Савватий трогательно и благородно заботились об очаровательной, непосредственной, но совсем «зелёной» Арише и помогали ей. Особенно же её взяла под своё крыло, опекала, успокаивала и направляла необыкновенная, тонкая и великодушная Саша Скларова. Эти дети, очень взрослые по основному признаку – по ответственности, стали моим «ближним кругом», отрадой и утешением, аккумулятором вдохновения. Но кроме «галерного» труда, у нас бывало много счастливых моментов и

глубокого узнавания друг друга, и радости победы над текстом, и, конечно, бодрящего юмора.

Сближение происходило и с другими ребятами, особенно во время индивидуальных репетиций. Сколько прекрасных граней их характеров раскрылось, как они заиграли!..

Но и тёмные черты периодически проявлялись в полной мере...

В отличие от индивидуальных репетиций, общие вселили в меня ужас и панику. Большое число даже самых дисциплинированных и милых в личном общении детей, собранных в большом зале, превращалось в толпу... не буду искать синоним кого – он, в любом случае, будет нелестным. Иногда хотелось вызвать для усмирения роту ОМОНа, которую более или менее успешно периодически заменял выделенный учитель. Мой постоянный истери-

ческий крик «тишина за кулисами!!!», как мне сказали, послужил названием группы участников спектакля. Скажу честно, после таких репетиций уровень любви к детям на время, до «прихода» в себя, падал. Возникал вопрос: куда же на время общего сбора деваются человеколюбие, уваже-

ние, теплота, просто жалость? Да, дорогие мои, надо уметь убивать в себе пресловутый «эффект толпы» и оставаться личностью.

И опять благодарю Нину Афанасьевну – она взяла на себя помощь по доводке до нужного уровня «великосветскости» нашего многочисленного салона.

Общее дело, особенно сложное, сближает больше всего, но и лучше всего выявляет суть каждого, даёт возможность, иногда с удивлением, познать себя. Познать – и изменить, если надо. Например, необязательность, не сдерживание своего слова стали очень распространёнными в нашей среде и не считаются чем-то «страшно» греховным. А ведь это – пренебрежение к ближнему, неуважение, беззастенчивое переключивание взятых на себя обязательств на кого-то, у кого, как это часто бывает, их больше.

Получается по пословице «кто везёт, на том и едут». И это не страшно? Особенно среди нас, которых должны узнавать по любви друг к другу.

Но всё-таки главное оставшееся у меня впечатление от общения и работы с нашими артистами-гимназистами – очень светлое. Время расширялось из-за интенсивности его заполнения, и сейчас мне кажется, что мы прожили бок о бок годы. За это время произошло главное (для меня) – «на выходе» участники стали другими. Более обязательными и совестливыми, заботливыми и глубокими, ощутившими себя звеньями одной цепи, где каждое звено значительно. Мы сроднились, не хотелось расставаться (после спектакля с удовольствием продолжили общение на даче), и, как сказал кто-то из детей, «мы задышали одним дыханием».

Поэтому ещё раз хочу признаться всем участникам спектакля в любви и вспомнить мысль И.Ильина о национальной элите общества, о том, что это не богатые и знатные, а те, кто умеет жертвовать собой – а вы, друзья, как раз и учились быть элитой в таком высоком понимании.

Высокохудожественный антураж

Ещё одной головной болью с момента задумки было художественное оформление спектакля и одежда героев. Больше всего пугали военные. И вот в первых числах сентября ко мне подошёл о. Алексей Зайцев и буднично сообщил, что одна из мам летом «на всякий случай» для хора сделала 15(!) комплектов офицерского обмундирования – 10 русских и 5 французских, и спросил, не нужно ли нам. Поверить было трудно, но вскоре мы увидели своими глазами великолепно сделанные костюмы. Попросили телефон и связались с Татьяной Георгиевной Волковой, так неожиданно нас буквально ошаривившей. Татьяна Георгиевна согласилась на дальнейшее сотрудничество и помогла одеть две армии – от главнокомандующих до рядовых! При этом трогательно было услышать, что Татьяна Георгиевна очень ценит труд учителей и хотела «хоть чем-то помочь». И действительно, как нам порой не хватало помощи родителей... Изысканно и «аутентично» одеть аристократию из костюмерной Московского театра Русской драмы очень помогла семья Лизы Авериной.

Интересна также история нашей центральной декорации. В мае 2012 года мама Бори Кречетова Мария Викторовна предложила какие-то декорации, которые она предусмотрительно попросила у добрых знакомых из Исторического музея по окончании выставки свёрнутыми, они были объёмны и требовали много места для хранения. Мы с трудом их куда-то засунули... и забыли. Посмотреть решили «случайно», уже в сентябре и – вот, очередное чудо! Наш зал с героями 1812 года!

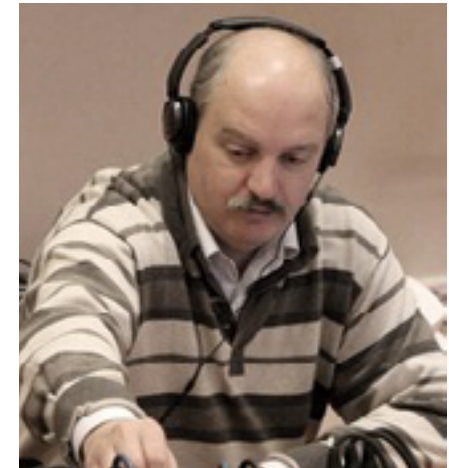
Ну, а к чуду одевания Еленой Борисовной Катоминой героев любых стран и эпох – от высокородных до любимой ею «бедноты» – мы уже привыкли, оно у нас вроде как ординарный фокус. Правда, подготовки этот фокус требует ох как немало!

Безотказен был и наш Виктор Николаевич. Кроме изготовления реквизита и ночного подкармливания задержавшихся, он ещё и дал нам много ценных технических советов.

Музыка – не фон, а полноценный участник.

У меня есть, можно сказать, «пунктик» на музыке. Я очень трепетно отношусь к её подбору, вызывая иногда раздражение вездливым «перфекционизмом». Но ничего не могу с собой поделать! В нашем спектакле она казалась мне особенно важна и как цементирующее начало для такого количества разбросанных во времени и месте сцен, и как отдельный персонаж, связывающий воедино многочисленных разнообразных героев. Обычно какой-то «образ музыки» звучит внутри уже при замысле, а тут была угнетающая тишина. Перепробовала много авторов и произведений – сердце не откликалось. Пожаловалась о. Андрею, моему всегдашнему мудрому советчику – и он принёс 8 дисков Брукнера. После пяти минут прослушивания – счастье обретения Музыки. И длится оно до сих пор! Правда, симфонии отличались сильной «изменчивостью»: 2-3 минуты –и тема меняет-

ся. Хорошо – будет из чего выбрать, но расписать 12 часов звучания на смысловые кусочки было непросто. Оказалось около 600 фрагментов, их нарезкой занимались А.А. Доколина, Д.В.Пирогов и Саша Шишков. Сортировали же по темам мы с Екатериной Александровной, опять с готовностью жертвовавшей своим временем и делами (благодарю за терпение её маму и дочку). Сортировок было утомительно много, после мы читали тексты, укладывая их в музыку, требовался точный «математический» расчёт. А потом всё это в лучшем виде «исполнить» должна была Анна Александровна Прохорова. Что она неоднократно и сделала со свойственной ей точностью, методичностью, «интеллигентностью» исполнения. И несмотря на страх, который явно отражался у неё на лице, особенно в первый раз. Страха, надо признать, был бы больше, если бы не наш новый соратник (надеемся, надолго) – Александр Георгиевич Калашников.

Стоп

Отсутствие любого из вышеперечисленных участников и помощников было бы чрезвычайно трагично, но не отменило бы спектакль. А вот отсутствие одного человека – Натальи Сергеевны Николаевой – стало бы по-настоящему роковым. У нас в гимназии всегда очень остро стоит организационный вопрос. Время после занятий не менее напряжённо, чем урочное. И это время надо было как-то обуздать и систематизировать...

Наталью Сергеевну никто никуда не назначал, но сработало свойственное ей уникальное качество – постоянная готовность безо всяких просьб подставить плечо там, где труднее всего. Она взяла на себя труд упорядочить весь процесс подготовки, создав невысказанные сложные схемы и таблицы, как кровеносную и дыхательную системы. И дело здесь не только и не

столько в математическом складе ума (системных людей много), а в удивительной надёжности и внутреннем девизе «кто же, если не я». Наталья Сергеевна бросалась на все амбразуры, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем, ни с другими многочисленными, как у всех, а честно говоря, часто и более серьёзными, чем у всех, обстоятельствами. Воистину – Организатор спектакля! И пример нам всем.

Коллектив – это сила

Нельзя не вспомнить нашего бессменного технического директора Павла Валерьевича Распатуева и безотказно ему помогающего А. С. Пылёва; режиссёра по свету А.И. Артамкина; периодически дежуривших учителей-«усмирителей»; отца Ивана с щедрым даром военных сапог; типograфа и помощника художника Г.В. Донскову; папу Вани Нефёдова Владислава Юрьевича, организовавшего профессиональную съёмку и сейчас монтирующего с Ваней (настоящий семейный подряд, достойный подражания!) фильм, который все очень ждут. Поблагодарить хочется всех поименно, но это невозможно, привлечено было немало народу, так много брешей надо было закрывать, таким быстро меняющимся был калейдоскоп проблем.

Главное чудо

Не знаю почему, но при мысли о спектакле у меня всегда возникает ассоциация с рассказанной на-

шим Владыкой Пантелеимоном притчей. В вольном пересказе это звучит так: если мы окажемся в Раю, то нас ждёт три удивления: первое – то, что мы не увидим тех, кого ожидали, второе – то, что увидим тех, кого не ожидали, а главное – что мы сами здесь как-то оказались. Может, ассоциация связана с величием чуда?

Многое в истории нашей постановки я отношу к чудесам: появление задумки, а потом и сценария; неожиданный подарок в виде декораций и костюмов; нахождение Музыки; отдельным номером – обретение Наташи. И, конечно, удивительное невообразимое нахождение всех героев в нашей маленькой гимназии, да таких, что я и по России лучше бы не нашла, будучи режиссёром по актёрам.

А всё-таки главное для меня – в

другом. Это парение над землёй, ниспослание сил и вдохновения, чувство возвышенного единения и благодарности, этот опыт получения подарков, как из рога изобилия – всё это давало, несмотря ни на какие трудности, ни с чем не сравнимое ощущение нахождения в «руце Божией». И это – главное чудо, которое с лихвой компенсирует все затраты и изглаживает из памяти все искушения. И это чудо я отношу к особому Промыслу о нашей гимназии, к исключительному благоволению, редкостному водительству Божию нас всех. Это – Поздравление свыше...

Поэтому хочется повторить главные для меня слова: «Не нам, не нам, но Имени Твоему!»

Анна Михайловна Синяева

О том, как делается невозможное

Мне кажется, почти у всех, кто слышал об идее поставить к юбилею школы «Войну и мир», первой мыслью было: «Это невозможно!» — хотя было понятно, что, раз идея возникла и утверждена, кому-то придется ее воплотить. Сомнения оставались, даже когда Оксана Вениаминовна, потратив месяц летнего отпуска, написала сценарий (невероятный, немислимый труд — не только уместить все 4 тома в приемлемый по объему текст, но и сохранить основные сюжетные линии, характеры, мысль автора!). Ведь для такой грандиозной постановки нужны месяцы упорного труда и много свободного времени, которого нет у детей, занятых уроками, музыкальной школой, кружками

и репетиторами. Кроме того, очень трудно было представить знакомых школьников в качестве персонажей романа — взрослых людей иной эпохи, иной традиции, живущих сложной душевной жизнью, делающих непростой выбор. И роман наверняка читали не все. И хореографии у нас в школе нет — как же ставить сцену бала с теми, кого не учили с детства, как дворянских детей, красиво двигаться и танцевать?

Когда Анна Михайловна утвердила исполнителей, очень мало кто казался подходящим для своей роли. Только о некоторых можно было сказать: «Вот это в точку!» (например, Сережа Лебедев в роли князя Болконского увиделся сразу, как только было названо его имя).

А выбор некоторых, наоборот, вызывал недоумение (ну какой же из Вани Нефедова Платон Каратаев? Он же круглый, Платон! А Ваня...).

Подготовительный период сопровождался нешуточными страстями. Кое-кому хотелось играть главную роль («Мне не дали главную роль — не буду участвовать!»), тратить много времени на репетиции не все были расположены («Я, конечно, хочу играть, но у меня занятия, музыкалка, репетиторы! Что, еще и в выходные приходиться?!»).

Начались репетиции, а в осуществление замысла все еще было трудно поверить. Однажды я ждал Анну Михайловну в 16 кабинете и слышала один из первых про-

гонов какой-то сцены. Я сидела и снова думала, что затея наша, конечно, осуществится (просто потому, что нашей школе свойственно осуществлять невозможное), но вот как — непонятно. Казалось, ни один из участников репетиции не попадал в нужную интонацию, не понимал, кого и что он должен сыграть. Слова звучали фальшиво и натянуто, в лучшем случае исполнение актеров было похоже на чтение с выражением — старательное, но не очень удачное.

Именно из-за этих сомнений особенно ярким было ощущение чуда, похожего на расцветание цветка или появление бабочки: когда вместо неловких, угловатых, неуверенных жестов и фраз начинали появляться живые герои — настоящие люди, мыслящие и чувствующие.

Однако до целостного действия было еще так далеко — а время шло, часы и часы уходили на репетиции, по-прежнему не было на уроках участников спектакля, и неумолимо приближалась дата премьеры. Репетиции переместились в зал, захватывали выходные дни. Кто-то заболел, кто-то не приходил, кто-то шумел за кулисами и дергал декорацию, забывал текст, не попадал в музыку, смеялся в неподходящие моменты, исчезал из зала тогда, когда был нужен. Однако из всей этой сумятицы и бестолковщины все яснее проступало что-то настоящее, точное, верное. Последние прогоны — это был уже спектакль.

такль, но спектакль сырой, неравномерный. Непонятно, разыграются ли на премьере актеры или, наоборот, испугаются и «завянут», сложится ли вообще действие или рассыплется на отдельные сцены и, главное, смогут ли актеры удержать зал, сохранить «нерв» в течение долгого, непростого представления?

«Генеральная репетиция» — а по сути, премьера — была назначена Анной Михайловной на время встречи выпускников. Предполагалось, что спектакль надо обкатать в боевых условиях: выпускники будут общаться, входить и выходить из зала, внимание зрителей будет рассеяно, а актеры должны привыкнуть играть во что бы то ни стало, не обращая внимания на помехи, не смущаясь и не отвлекаясь. То, что про-

изошло на самом деле, было неожиданно: казалось, зал вдохнул при первых тактах музыки — и выдохнул после финальной реплики. Около полутора часов эмоционально напряженного действия зрители не просто выдержали. Зал слышал каждое слово, откликнулся на каждое настроение. Актеры — не профессиональные актеры, а наши дети — сумели сделать то, что не всегда удается профессионалам.

Потом, на многочисленных обсуждениях, и в глаза и за глаза было сказано много добрых и точных слов. О том, что не бывает маленьких ролей — бывают маленькие актеры, и каждый, сказавший на сцене хоть слово, хоть реплику, сказал их именно так, как нужно; что не было ни одной провальной роли — удивительно, как подо-

браны актеры, как соответствуют исполнители своим героям. Перебирались персонажи и эпизоды: Наташа, князь Андрей и Пьер;

пронзающая сердце игра Лизы Стриевской; тщеславный, самодовольный Наполеон и мудрый старик Кутузов;

Ваня Лазарев, удерживавший все действие и доносивший до зрителей важнейшие мысли автора; добрый гусар Николай Ростов и нежная княжна Марья; светский салон — украшение спектакля;

искренний и простой Платон Каратаев; французские и русские офицеры, партизаны; изящная и трогательная сцена бала...

Говорили о прекрасно подобранной музыке (сколько человек не верили поначалу в Брукнера и делились своим неверием с режиссером!). О мастерски написанном сценарии, сохранившем внутреннее движение и глубину толстовского текста...

Спектакль отыгран три раза, похвалы прозвучали, декорации давно разобраны. Кажется,

вся эта история давно закончилась, осталась лишь в воспоминаниях и на фотографиях. Даже роман по-прежнему прочитан до конца не всеми участниками... Но, мне кажется, осталось еще что-то гораздо большее, чем память о похвалах и веселом смехе за кулисами. За время совместной работы незаметно для себя актеры научились не только умению держаться на сцене, танцевать вальс, правильно интонировать фразу. Полтора месяца продолжалась упорная и мужественная работа не только над ролями, но и над собой. Повторять одно и то же десять, двадцать, тридцать раз подряд. Не обижаться на замечания, беспрекословно слушаться. Жертвовать своим временем, досугом, самолюбием. Чувствовать,

что нужна помощь, и тут же помогать. За это время все подружились, стали друг другу нужны и дороги. И сильно изменились, скорее всего даже не заметив этого. Стали интереснее, взрослее, ответственнее и честнее. Научились делать что-то вместе, не жалея себя, по-настоящему трудиться — наверное, это самое главное, что вынесли мы из оставшейся в прошлом истории. А это и есть то, за счет чего осуществляется невозможное...

И еще одно, собственно о «Войне и мире». Слова и фразы из текста, и свои, и чужие, на репетициях все выучили наизусть. Одно время даже общались цитатами: на всякую ситуацию находилась подходящая фраза из спектакля, — потом, конечно, отвыкли. Но теперь у каждого есть то, что не забудется и стало своим, — роман, перечитать который несколько раз за жизнь не помешает никому. Роман-жизнь, роман-река. Вы подарили его тем, кто смотрел спектакль. Вы подарили его себе — теперь это ваше достояние.

А.А. Прохорова

Впечатления и отзывы

Я смотрела «Войну и мир» дважды. Сперва это был прогон, и я любовалась фантастической работой мастера и самоотверженной работой очень понятливых актёров. Было видно, из каких гениальных кусков складывается успех произведения: текст, костюмы, музыка, постановка, талант и труд играющих... Я даже пожалела, что никак не участвовала в постановке раньше и не видела, как закладывается фундамент и возводятся стены этого грандиозного здания. Было очень интересно наблюдать, как раскрываются с неожиданных сторон давно знакомые люди, было приятно узнать что-то новое о малознакомых.

А потом я побывала на премьере — и ничего этого не увидела: ни рабо-

ты, ни актёров, ни знакомых людей, ни гениальных кусков. Был Толстой, были его герои, была Россия в великой и страшной войне. Я редко хожу в театр, потому что почти никогда не могу просто смотреть — смотреть, не наблюдая за тем, как спектакль сделан, как играют актёры, какими способами режиссёр хотел донести до зрителей свои мысли и чувства и насколько хорошо ему это удалось. «Война и мир» ни на секунду не дала мне вспомнить о том, что передо мной спектакль, причём спектакль любительский. Она просто была — и до сих пор живёт в моём сердце, исполненном благодарности к тем, кто подарил мне это возвышающее душу действо.

Анна Александровна Бородина

Обсуждая весной 2012 года планы празднования юбилея гимназии мы задумались: «Какой спектакль подошёл бы к этому событию». Кто-то в шутку предложил «Войну и мир» Л.Н. Толстого — 2012 год «обязывает». Все понимали, что это невозможно в принципе. Пошутили — забыли? Нет. К началу учебного года был написан прекрасный сценарий «Сцены из романа «Война и мир»». И началась работа.

В спектакле участвовало более 40 детей — практически все мальчики старших классов и, к сожалению многих девочек, примерно половина девочек. Некоторые дети, которым не «повезло» и не пришлось участвовать в спектакле, помогали с костюмами, реквизи-

том, декорациями. Было составлено сложное расписание репетиций таким образом, чтобы дети как можно меньше пропускали уроки и как можно меньше задерживались после уроков.

Поначалу казалось, что все равно ничего не получится. Первая сводная репетиция повергла всех в уныние. «Дамы» сутулились и «тарактели» так, что понять слов было невозможно. А то начинали «жеманиться» — «я так не могу», «у меня никогда не получится», а то «шептали» свои слова, уверяя, что громче они не могут. «Гусары» в принципе не понимали, как положено стоять, слушая «главнокомандующего», как ходить, как говорить текст, так, чтобы это не выглядело по-

шло, как вести себя с «дамами», как это — «быть благородным»? Разболтанность и элементарная невоспитанность многих детей ярко сияла на репетициях.

Но и винить детей было не за что: а где они видели благородное поведение? А кто учил их манерам? Кто объяснял, что уважение к человеку выражается и в том, как ты стоишь, сидишь, разговариваешь? Все родители хотят видеть своих детей хорошо воспитанными, но одно дело — наши родительские разговоры, а другое дело то, что дети видят в окружающей жизни! В ежедневной дороге! В метро?! В тех фильмах, что они бесконтрольно смотрят. В интернете, в котором они «живут» — ведь у большинства учеников не только дорогие мобильные

телефоны, но и другая новая электронная техника.

Дорогие мамы (и папы), не будьте «страусами» — большинство детей в интернете чувствуют себя комфортнее, чем вы. По дороге в школу чем занимаются ваши дети? Мы едем в школу теми же путями и часто видим наших учеников, уткнувшихся в телефоны, они даже не замечают нас, не здороваются, ну и тем более, не уступают место — они просто ничего не видят вокруг. И вдруг — «Война и мир» Толстого. Мир совсем другой. Мир, в котором надо было детей научить жить — иначе спектакль не получился бы. И это самое сложное, что приходилось преодолевать. Я уже не говорю о простых вещах — таких, как выучить точно текст, не «по-

правляя» Льва Николаевича. Поставить голоса. Научить красиво двигаться.

Научить чувствовать, научить любить своих героев, полюбить эту, совсем другую жизнь.

Когда спектакль был сыгран, представители Отдела Образования Москвы так и не поверили, что поставлен он всего за месяц. «Вы, наоборот, репетировали весь год?»

И что было грустно... Отсутствие поддержки некоторых родителей. Но и не только — бывали и серьёзные претензии: «У него небольшая роль, мы никак не можем быть на репетиции». «Она плохо себя чувствует, на репетицию не придёт». «Мы из-за вас опоздали на концерт». «Мы не можем быть в субботу на репетиции». А за неделю до спек-

такля — «мы отказываемся участвовать», «мы уезжаем», «моего ребёнка в воскресенье не будет». И это ещё «хороший вариант». Плохой вариант: «Меня родители увезли на дачу, и я ничего не мог сделать», или «подумаешь — обойдутся без тебя — ты всего несколько слов говоришь». Или человек просто не пришёл, а телефон недоступен.

А бывает и так: отложив все дела человек 10 взрослых и 37 школьников ждут 40 минут двух главных героев, без которых прогон начать нельзя...

Я уже не говорю о том, что Елена Борисовна и Анна Михайловна падали от усталости, после всех репетиций занимаясь костюмами. Одеть 40 человек для спектакля! Неоценимую помощь в этом

оказала Т.Г. Волкова — она сшила 20 костюмов для «офицеров русской и французской армий». Благодарим М.Г. Щепенко — Лиза Аверина принесла несколько платьев, подходящих к эпохе.

Где те благословенные времена, когда мы вместе с родителями и старшими братьями и сёстрами, уже закончившими гимназию, готовили костюмы и декорации к нашим большим спектаклям? Даже собственного ребёнка одеть к спектаклю родители предоставляли нам.

А теперь представьте, что дала нашим детям эта общая работа: Даже в трапезной бросалось в глаза, что девушки разговаривают тише, ведут себя скромнее, мальчики — внимательнее. Дети научились говорить громко и внятно на уроках. «А теперь ответь

громко и понятно — как на репетиции». Дети очень сдружились на общем деле. Большинство проявило себя ответственными, а кое-кто эту ответственность почувствовал впервые — не очень-то приятно, когда твои же друзья тебе пеняют за опоздание.

Премьера. Сажу за кулисами. «Наполеон» пожимает руку «Кутузову» перед его первым выходом на сцену: «Ну, с Богом!». «Соня» тихо напутствует «Наташу». К выходу готовится «Андрей Болконский». Внутренне собрался, перекрестился, пошёл... Все, кто за кулисами затаили дыхание...

Дети полюбили своих героев. Они полюбили тот мир, который поначалу был им чужд. А многие прочитали «Войну и мир»!

Наталья Сергеевна Николаева

В начале сентября Анна Михайловна спокойно и уверенно сообщила мне, что к празднику будем ставить «Войну и мир». Я, как человек легко поддающийся влиянию, так же непринуждённо спросила, готов ли сценарий, на что получила весьма успокоительный ответ:

— Да, Оксана Вениаминовна летом написала, завтра начнем кастинг. Было легко предположить двух главных героев, Савватия и Савву. Остальные герои появились после долгих и порой мучительных поисков, сравнений, сомнений и даже риска. Ариша, как выяснилось на одной из последних репетиций, вообще не хотела играть.

— А зачем же ты каждый день на кастинг являлась?

— Подружек поддержать.

Так вот... Примерно в середине сентября Анна Михайловна начала творить. На моих глазах Тарен-Савватий каким-то чудом превратился в аристократа, тридцатилетнего офицера князя Андрея. Савва-Король из Золушки — в глубоко лиричного, чистого, благородного и достойного в своём комизме, прекрасного в неуклюжести Пьера Безухова. Савва даже вдруг стал испытывать переживания и духовные искания Пьера. Например, на одной из репетиций он всерьёз задумался о смысле жизни, чем весьма озадачил нас с Анной Михайловной.

Нет, превращение — это не то слово. Оказывается, учащиеся Православной школы в 21 веке — такие же русские люди с их загадочно-прекрасной и возвышенной душой, как и героини войны 1812 года. Сережа Филин, Сема Скляров, Боря Кречетов — им понятны и близки чувства и мысли русских аристократов, живших за 200 лет до нас, они подлинныя преемники культуры той, старой, дореволюционной России.

А вот еще моя самая любимая, последняя, сцена с Сережей, Богданом и Ваней, про звезды. Движения, голоса ребят были «те самые, неподражаемые, не изучаемые, русские», впитанные «из воздуха», которым мы все дышали в незабываемые, исторические дни 20-летия нашей школы.

Наши девочки были прекрасны, и не только на сцене. Ариша, «с оживленным, взволнованным лицом» спорящая, доказывающая что-то, — просто двойник Наташи Ростовской. Человек, которого невозможно не полюбить за «искренность», доброту, «открытость душевную».

Благодаря Саше Скляровой я полюбила нелюбимую Толстым Соню. Никогда не думала, что это такая обаятельная, нежная и утонченная девушка. А еще Саша показала в жизни пример самоотверженности, достойный её благородной героини. Дело в том, что Саша была соперницей Ариши на главную роль. Примерно половина взрослых зрителей мечтали увидеть в роли Наташи именно Сашу. Но Саша не только радушно

уступила Арине, но и деятельно участвовала в создании Аришиного шедевра. Роль Наташи очень трудна, и главным героям приходилось репетировать с утра до позднего вечера, и порой только для того, чтобы Ариша смогла отработать интонацию, взгляд, жест. Необходимо отметить, что я ни разу не заметила ни малейшего раздражения ни у Саввы, ни у Савватия и тем более у Саши. Напротив, многое не получилось бы, не будь у Арины такой подруги: она поддерживала, утешала, приходила на помощь в трудный момент.

Вообще успех пьесы, думаю, на 90% зависел от внутреннего единения наших артистов. У всех (и особенно это касается, так называемых второстепенных героев) было желание послужить

родной школе: многие переступили через какие-то комплексы, сомнения, кажущиеся неудачи. Вот, например, Пете Красовицкому не очень нравилась роль французского генерала, ему пришлось немало потрудиться и над собой, и над ролью — и в результате он был убедителен и прекрасен. В первую очередь пример самоотверженности показали, конечно, одиннадцатиклассники. Несмотря на то, что у них на счету сейчас каждая минута, работали они с полной самоотдачей и вдохновляли тех, кто помладше. Например, десятиклассник Рома Тимошин, выхода которого я ждала всегда с нетерпением, регулярно репетировал абсолютно большим. А если кто-то еще не знает, что Саша Шишков последний

спектакль играл с высокой температурой, — прошу оценить.

А теперь скажу о работе режиссера, вернее о самом интересном и важном для меня в деятельности Анна Михайловны. О ее профессионализме, таланте, трудолюбии говорить не буду — это было очевидно для всех. Однако самым важным для нас было даже не это. Анна Михайловна всегда старалась, чтобы всем было хорошо, чтобы никто не расстроился, не обиделся. Если на одной чаше весов лежал успех какой-нибудь важной сцены, а на другой — радость и труд ученика, который старается и верит в победу, то выбор всегда был в пользу человека. «Понимаешь, я не могу его (или ее) так обидеть», — эту фразу я слышала очень часто. И каким-то чудом все получалось, правда, ценой многочасовых трудов и волнений режиссера. Анна Михайловна может, конечно, рассердиться и поругать артиста, но я ни разу не слышала, чтобы она унизила, обидела, осрамила кого-нибудь даже в самые напряженные моменты. А они были... Например, за неделю до показа оказалось, что, по мнению большинства учителей, присутствовавших на репетиции, спектакль не получился, сценарий никуда не годится, артисты вообще не играют, музыка нуднейшая. Анне Михайловне очень настоятельно советовали, чтобы хоть как-то спасти ситуацию, срочно сменить главную героиню и подобрать другую музыку. Но какую

— никто не знал. Единственным человеком, который ни разу не позволил себе усомниться в своей команде, ни разу не упал духом в те напряженные дни, была Анна Михайловна. Правда, она не спала несколько ночей и пережила два-три сердечных приступа. Но вера в «своих детей», в то, что святитель Петр не оставит нас, а вместе с верой и бодрость духа, и вдохновение — ни разу не покинули нашего режиссера. А вера, как известно, творит чудеса. Свидетелем одного из таких чудес, дарованных Богом за труды и веру наших сотрудников и учеников, мне посчастливилось быть в праздничные дни 20-летия нашей школы.

Екатерина Александровна Семёнова

Мы с детьми любим на Новый год вспоминать, что особенного произошло в минувшем году. В этот раз, и это признали почти все члены нашей семьи, одним из самых сильных переживаний уходящего года был спектакль «Война и мир». И это отметила не только Лиза, которая участвовала в постановке, но и другие дети. Мы все, наверное, в какой-то мере пропустили его через себя. Сначала поддерживая и уговаривая, ведь ничего не дается без труда и крови, а затем присутствуя на этом явлении. Когда я впервые услышала, что собираются поставить к юбилею спектакль по роману «Война и мир», я не поверила. И не поверила по многим причинам, представила, как трудно перенести это произведение на сцену, и как трудно выжать из детей достойное воплощение. Но постепенно, глядя на муки рождения этого спектакля, видя, как меняются дети, верилось, что у них все получится. Я смотрела этот спектакль дважды и посмотрела бы еще, если бы его показали, и не потому только, что там играла моя дочь, а просто каждый раз окунаешься в его атмосферу, слышишь чудную музыку, видишь непосредственную игру детей и чувствуешь, что сама становишься частью этого явления.

Я до сих пор детей, игравших в спектакле, про себя называю именами героев: вот Кутузов, а вот Мюрат или Наполеон. Наши дети, наверное, даже не понимают, какое богатство останется с ними на всю их дальнейшую жизнь. Мало

кто из взрослых может вспомнить, что когда-то играл Пьера или Наташу Ростову, я, по крайней мере, была этого лишена.

Да и отношение к самому роману, я вижу, что у Лизы стало совсем другое. Она мне говорит, что совсем иначе стала читать сцены с графиней Ростовой. Да и материнское чувство у нее, хотя и раньше было, теперь как-то раскрылось иначе. Я думаю, будет проходить время, а значение этого спектакля будет все больше раскрываться. И еще одна надежда живет у меня, что и другие произведения классики, не обязательно русской, окажутся для наших детей близки и понятны, сроднившись с ними в театральных постановках. Низкий поклон и огромное спасибо всем авторам и участникам этой постановки.

Ольга Львовна Стривская

Вчера шла в родную школу погорчаться — то есть посмотреть, как там «Войну и мир» поставили. Ага, думала, додумались. Сейчас всё будет плохо, мне тоже будет плохо, ну ладно, пособираю хоть технические претензии, чтобы ругаться аргументированно, а не только мычать возмущенно.

Ага, конечно. Вот как раскрыла рот в самом начале — так и не закрывала полтора часа. Потому что они это сделали. Не побоюсь этого слова — сделали невозможное. Краем сознания я отлавливала, что не замечаю возраста актёров, что они не провинциально-нарочитые, что они ещё радуются просто самому процессу, что типажи подобраны так, что диву даёшься (даже там, где диаметрально противоположно оригиналу: Платон Каратаев — та ещё шпала) — ну и т. д. Как им удалось проскочить между Станиславским и постмодерном — не знаю. Но удалось. Не утратив ни честности, ни ироничной условности (да, там во всех глазах поблескивала такая ирония, что я диву давалась — подростки ведь!).

Я не знаю, что с ними будет дальше, но то, что они так могут, — это уже много.

Ну и да, чтоб современные подростки так носили мундиры, сюртуки и бальные платья — это почти волшебство.

Отдельное приятное удивление — романс в исполнении Наташи и Сони: вот так он, кажется, автором и был задуман: очень чисто, очень просто, очень прозрачно, абсолютно естественно, без претензий и вообще. И в унисон попали, а не в унитаз.

И это не драмкружок, это просто дети из разных классов (8–11), с которыми периодически ставят большие и серьёзные спектакли.

Короче, так не бывает.

Выпускница Ольга Ксендзовская

Первый год в качестве выпускника — это очень странно, надо признаться. Ещё вчера ты был в центре бурной школьной жизни и вдруг в один момент стал просто «гостем». Это так же странно, как стучаться в дверь своего родного дома, если хотите. Ни для кого не секрет, что наш класс всегда очень любил участвовать в школьных постановках, отчасти поэтому мы ждали премьеры спектакля «Война и Мир» с таким нетерпением. Мы были необычными зрителями: слишком хорошо мы помним, как это — репетиции до ночи, подбор костюмов, музыки, что такое пытаться сидеть тихо часа два, не меньше (надо сказать, это нам никогда не удавалось). Мне казалось, что я не смогу сосредоточиться на спектакле из-за того, что буду проверять, слышны ли реплики, не «прокололся» ли кто-нибудь из актёров. Именно поэтому спектакль стал для меня настоящим чудом: происходящее настолько захватывало, что

не могло возникнуть сомнений, что на сцене может что-то пойти не так. Самое трудное — сыграть так, чтобы зритель до конца поверил тебе, сыграть так естественно, чтобы зритель не догадался о часах репетиций, о времени, потраченном на зубрежку текста; у ребят это получилось блестяще.

И за это-то чудо мне бы очень хотелось поблагодарить не только Анну Михайловну Синяеву, но и всех-всех актёров, даже тех, кому кажется, что у них очень маленькие и незначительные роли, просто потому что в спектакле не бывает маленьких ролей, каждое слово важно. Что уж говорить об актёрах, игравших главных героев, не у всяких настоящих актёров так выходит. Спасибо вам всем.

Выпускница 2012 г.

P.S. Это трудно представить, но наш школьный театр действительно единственный в своем роде: достаточно было увидеть реакцию одноклассников на программку спектакля, чтобы понять это.

Участие в спектакле для меня стало чем-то особенным в этом году... Да и во всей моей «карьере» актрисы, пожалуй. Мне кажется, что такие произведения, как «Война и мир» Льва Толстого поставить невозможно! Но это удивительным образом удалось Анне Михайловне.

Надо сказать, что не все было гладко поначалу. Многие были недовольны ролями. Некоторые хотели отказаться по каким-то другим причинам... Ну и, конечно, самым сложным в постановке оказались репетиции!

Однако, когда мы увидели наш спектакль во время первого серьезного прогона, сомнения потихоньку начали отступать... И,

безусловно, после выступления никто уже не думал о том, как не хотелось что-то учить, что-то делать. Все помнили только совместный труд, который увенчался таким блестящим успехом! Все мы, конечно, понимаем, что все получилось только благодаря Анне Михайловне и ее ассистентам, потому что только гениальный режиссер мог поставить такой серьезный и трудный спектакль с такими неугомонными актерами, как мы, да еще и в такой короткий срок...

Благодарю всех от всей души за то, что дали мне почувствовать себя частью такой замечательной и дружной команды!

Елизавета Стривская (11)

Самое светлое воспоминания о спектакле - это наши репетиции до 6-ти, 7-ми, 8-ми вечера, а то и дольше...на этих репетициях я с каждым разом узнавал все больше и больше людей, которых до этого знал только по имени и из какого они класса... Что касается спектакля, я думаю, что в этот раз мы достигли всего, чего в принципе могли достичь, но надеюсь, что я ошибаюсь...

Безусловно, этот результат был бы невозможен, если бы не самоотверженность организаторов, которые тратили свое свободное время на репетиции. Спасибо Екатерине Александровне за терпение, когда после долгих поисков нас она высушивала наши отговорки и недовольства. Спасибо Елене Борисовне за прекрасные костюмы, за то что она помнила

о мельчайшей проблеме каждого в то время, когда сам актер уже давно об этом позабыл... Спасибо Оксане Вениаминовне за прекрасный сценарий, в который она как-то вместила все самое важное и выкинула ненужное. Ну и безусловно огромное спасибо Анне Михайловне, нашему режиссеру, которая безошибочно подобрала актеров и сумела «поселить» актеров в их образы. И еще (неофициально, так сказать) спасибо звездам нашего танцпола - Сергею Лебедеву и Юре Матвееву, которые разряжали обстановку перед нашим выходом, поднимали в нас воинственный дух, так что в зал мы шли с мыслями: « Ну щас мы им покажем, где раки зимуют! »

В общем, спасибо всем!!!

Игнат Переслегин (10)

Не могу не поделиться своим восторгом!

В эту пятницу, в гимназии, где мы занимаемся, состоялся второй показ спектакля «Война и мир». Играли в нём, понятное дело, гимназисты. Кстати у этих ребят мы будем проходить педагогическую практику зимой (надеюсь, они нас не съедят).

Главной фишкой спектакля были прекрасная игра актёров, великолепные костюмы и почти полное отсутствие декораций. Меня поразили ребята! Я теперь ужасно хочу на практику! Они такие клёвые! Я почти не боюсь того, что меня могут «вынести». Мне даже интересно, КАК они это сделают!

Итак, все по порядку.

Пьер Безухов. Самое гениальное исполнение! Чтоб так сыграть,

нужно быть либо актёром самой высокой марки, либо Пьером Безуховым. Немыслимо, правда! Вся его несуразность, стеснительность, искренность, наивность, его поиски пути, всё, весь образ раскрыт девятиклассником!

Кутузов. Симпатичный, почти смазливый мальчик, но чтоб так сыграть состарившегося, умудрённого жизненным опытом, полководца! ГОЛОСОМ!

Наташа. Мила, очаровательна, наивна. Такое солнышко! Если честно, не люблю эту героиню, но девочка ужасно понравилась. Её Ариша зовут, крохотулечка такая, нежный цветочек.

Княжна Марья. По-моему, была сыграна одной позой! Идеальное попадание, считает моя подруга, ей виднее — это её любимая книжная героиня.

Соня идеальна. Девочка, живущая с постоянным чувством отсутствия дома. Конечно, Ростовы её любили, но она всегда знала, что она им не родная и не ничего не могла изменить. Мне всегда было ужасно жалко эту героиню, меня удивляло, что она не сбежала и не полезла в петлю от такой жизни, особенно, когда бросивший её возлюбленный привёз в дом жену, но это было потом — конец истории осветил рассказчик, в спектакле же Соня была ещё совсем юной и любимой, обаятельной и немного зажатой — прекрасной девушкой, двоюродной сестрой на птичьих правах.

Дамы из салона Анны Шеррер. Исполняли роль рассказчиц. Потрясающе. Девчонкам, кажется, было просто в кайф изображать светских львиц. Рассказчик, мальчик, читавший хронику, тоже был гениален, гениален в движении каждого мускула лица.

Николай Ростов. Несколько по-другому его представляла, но мальчик хорош. Благородный, чистый, светлый.

Зато Петя Ростов! Вот это моя любовь! Настолько невинный, настолько искренний! Я растекалась по скамейке в момент, когда он угощал партизан изюмом: «Я привык что-нибудь сладенькое», какой же он был трогательный в этот момент, какая у него была улыбка! Когда герой погибает, так неожиданно и нелепо... в общем, это один из самых сильных моментов, наверное, первый в этом ряду. Ещё в книжке было

сложно принять этот момент. Так и хотелось спросить у Льва Николаевича: «Зачем?» А эпизод, когда мать читает в письме о его гибели и Наташа её утешает, жутко напомнил реальную сцену на кладбище.

Платон Каратаев. Долговязый растрёпанный обаятельный мальчишка. Очень порадовал.

И наконец, князь Андрей Болконский. Честно сказать, он не является моим любимым персонажем по книге, а фильм я никак не посмотрю, но в исполнении Савватия он прекрасен. У Савватия очень благородное лицо, которым он прекрасно, но мой взгляд, играл. Может, он был не так органичен, как «Пьер» или «Петя», но в целом, показал Болконского таким, каким его и нужно показывать, ведь князь и в книге, по моему, как натянутая пружина. Савватий был прекрасен в образе Болконского, реально прекрасен!

Ещё очень порадовал тот факт, что Элен и Анатолий Курагины в спектакле только упоминались. Это очень правильно. Жаль, не все режиссёры понимают, что детям нельзя давать играть таких аморальных персонажей.

Спектакль завёл, что называется. Мы шли по улице втроём к метро, и я чуть не визжала от восторга. Я восторгаюсь людьми, которые его поставили, восторгаюсь ребятами, так здорово сыгравшими. Это реально совершенно нереально!»

Студентка ПСТГУ

Обсуждение участников за чаепитием

Ведущий – Семён Скляр.

Сёма: У меня были сомнения по поводу возможности нашей школы поставить что-либо грандиозное. Но я был впечатлен тем, что мы сделали. И я не жалею, что потратил время и поучаствовал в этом.

О. Андрей: Я полностью присоединяюсь к словам Семёна, который очень хорошо начал. Продолжить мне бы хотелось, в первую очередь, с благодарности к вам, потому что то, что вы сделали – это нечто очевидное – невероятное для меня. Как я уже многим говорил, я готов поверить в жизнь на Марсе, потому что не слышал об этом спектакле ни одного отрицательного отзыва. У нас в школе за 20 лет такого не было ни разу. Как вы знаете, спектакли бывают очень разные и вызывают разное к себе отношение. Спектакли, книги, все, что касается творчества людей, – это вещи, которые вызывают всегда яростные споры. Но вот постановка «Война и мира» заставила всех действительно объединиться в общем восхищенном порыве, и, конечно, в этом, в первую очередь, ваша общая заслуга. Потому что чувствуется, что (приведу молодежное выражение) у вас всех был такой мощный «драйв», стремление сделать нечто общее. И если бы этого энтузиазма у вас не было, я думаю, ничего бы не получилось и все усилия Анны Михайловны канули бы в лету. Несмотря на ваши вопли, стенания и тягости, понесенные в ходе репетиций, все-таки усилия были не напрасны. Это очень радостно, и очень радостно то, что спектакль произвел впечатле-

ние на гостей. Вчера я был на ученом совете нашего Свято-Тихоновского университета. Часть ученого совета была посвящена тому, что отец Владимир с восхищением рассказывал о том, как надо праздновать юбилей в университете. «Берите пример с Свято-Петровской школы», – сказал он. Почему о. Владимир стал рассказывать про Пьера Безухова, я не понял. Видимо, впечатление было настолько сильное, что заставило отца Владимира поделиться со всеми остальными. Все это было немножко неожиданно (ну какое отношение наш спектакль имеет к ученому совету) и очень приятно. Немножко страшно после этого начинать что-то новое, потому что достигнутый уровень уже не хочется терять. И я очень надеюсь, что все ваши планы, которые, я знаю, уже строятся, будут столь же достойны, как и ваш замечательный спектакль. Я еще раз вас всех благодарю и желаю вам дальнейших успехов.

Сёма: Кстати, я тоже хочу поблагодарить Анну Михайловну, потому что это очень сложно – поставить такой спектакль. Я слышал, она несколько ночей не спала, и я хочу сказать, что очень благодарен и что мне это много дало: и репетиции, и спектакль. А сейчас я хочу дать слово Оксане Вениаминовне, которая написала сценарий к спектаклю, и, можно сказать, поработала больше всех.

Оксана Вениаминовна: Знаете, когда мне сказал отец Андрей, что надо поставить «Войну и мир», единственное, что меня остановило от того, чтобы отказаться сразу, – это то, что такая пьеса когда-то была. Булгаков писал для инсценировки «Войны и мира» текст, и его играли в Москве, в два вечера, причем, играли. Бывает такая форма театральных постановок, когда человек покупает билеты и в театр идет в первый вечер, а потом на следующий день на продолжение. Но после того как я согласилась и нашла этот сценарий, поняла, что нас он не устраивает абсолютно. Во-первых, он касался только войны, т.е. там нельзя было показать героев с их юности до каких-то главных моментов. А во-вторых, – Булгаков очень тщательно шёл по тексту IV тома, и у него там 150 действующих лиц. А у нас 150 действующих лиц при всем желании в школе не наберется и, ну в общем, невозможно. Поэтому пришлось сделать все совершенно по-другому сначала. И особенно меня тревожило то, что был поставлен заказ, и я этот заказ знаю: спектакль должен идти час. Он не уложился в час, он у вас шёл полтора часа. А связано это с тем, что у нас в театре не бывает антрактов. На самом деле, то, что вы полтора часа держали зал и зал это выдерживал, более того, я видела, что на первых рядах сидела какой-то контрабандой пролезшая мелюзга из начальной

школы, и они там, как мышки, замерли, чтобы только их не выгнали... И когда у бедного ребенка на последней сцене, срывая Богдана и его коронную реплику, заиграл телефон, это, конечно, было ужасно, но все равно, испортить спектакль было уже нельзя. Но это было единственное, чем они спектаклю помешали. Значит, их ваша полтора часовая игра все-таки держала, и это было очень здорово. Было понятно, что, урезая «Войну и мир» до часа, делаешь что-то очень схематичное. И что меня тревожило, особенно после того, как я увидела одну из первых общих репетиций, – это то, что герои не оживают. Это очень страшно. Вот выбегает какая-то девочка: одна сцена, другая, третья. А поверить, что это Наташа Ростова, практически невозможно. И особенно Пьер, который произвел такое сильное впечатление на отца Владимира, – у него была очень рискованная роль, потому что Пьер – мыслитель. Он все время в голове решает какие-то вопросы. А философские вопросы решать в театре за час – практически невозможно. Поэтому он говорил какие-то очень отдельные отрывистые кусочки. Мне казалось, что с точки зрения стороннего зрителя вообще непонятно, что это такое. Но потом, когда прошла еще парочка репетиций, вдруг эта фрагментарность пропала и вы все зажили там. И герои ожили, и вот они там живут, как придумала Анна Михайловна, пьют чай из самовара, пищут, ругаются, еще что-то делают. Это, наверное, главное чудо. То, что они у вас все стали живые. Причем, про главных я даже говорить не буду, по-моему, они не выходили из этого образа и еще долго будут в нем пребывать. Отдельно хочу сказать тем, кто играл салон. Потому что, когда раздавали роли, я слышала краем уха (мне было очень не до того, но все-таки пе-

реживания Анны Михайловны меня глубоко трогали), что у нас в школе нашлись люди, которые отказались от роли потому только, что роль маленькая. Кроме того, что это хамство по отношению к школе (я очень рада, что все, здесь собравшиеся, - это не те люди, которые могли себе позволить такое сказать), они проявили грубое невежество в искусстве, потому что в театре не бывает маленьких ролей. В театре бывают маленькие актеры. У большого актера любой выход - это большая роль, и на него специально будут ходить смотреть, как он говорит две реплики. Все зависит от качества актера. И вот когда выходили эти салонные дамы, причем все время разные и все время с разными вещами, они сделали именно то, что они должны были сделать. Они дали ощущение живой, продолжающейся жизни: а вот живет Петербург, а вот живет Москва, они собираются, они болтают, и они все такие разные, у них у каждой свой характер, какая-то своя история. Есть такое литературоведческое определение «кусочек жизни». И вот они этот «кусочек жизни» создавали и создавали здорово. А вот еще одна вещь, это чего мне, может быть, не хватило в спектакле, но это только не к вам, это опять же к резкой порезанности, - мне бы хотелось, чтобы он был так же, как у Толстого, с одной стороны, очень радостным. Несмотря на все смерти, слезы и так далее. Я знаю, что кто-то в зале плакал, были люди, которые от вас плакали, но почти никто не смеялся, и это жалко, потому что там было, над чем посмеяться, на самом деле.

Реплика: Почему же, смеялись...

Оксана Вениаминовна: Смеялись, да? Ну слава Богу, потому что хотелось передать радостное ощущение. Ведь «Война и мир» - это радостная книга. Она называлась в одном из

вариантов «Все хорошо, что хорошо кончается». То, что несмотря ни на что жизнь полна смысла и, на самом деле, очарования, - вот это такая вещь, которую очень хотелось бы передать.

Сёма: Спасибо, Оксана Вениаминовна! Мне бы не хотелось смазать впечатление от отзыва Оксаны Вениаминовны. Я согласен со всем, что она сказала. Относительно времени нашего спектакля и внимания зрителей, хочу дополнить, что мне было удивительно то, что все высидели полтора часа. Перед тем как принять участие в спектакле, у меня были некоторые сомнения по поводу нашей способности поставить что-то действительно стоящее. Я думал, что все будет происходить по привычной схеме: в зале соберется толпа народу, которые из вежливости будут слушать наш полтора-часовой нудеж до тех пор, пока на потолке не появится конденсат. Поэтому я считал спектакль далеко не первостепенной задачей при подготовке праздника. Но сейчас мое мнение изменилось, я хочу сказать, что можно сделать еще такой грандиозный спектакль в будущем, с таким же успехом его поставить и на гастроли поехать... Ну это, конечно, все планы, так... А сейчас мне бы хотелось дать слово Марии Сергеевне Красовицкой.

Мария Сергеевна: Я себя чувствую в этой театральной команде, как homo novus (новый человек), человек со стороны, потому что я не участвовала во всех страданиях, во всех бдениях. Но тем не менее, конечно, получилось это дело общее, и воодушевление от вашего спектакля огромное и у родителей, и у гостей, и у родственников. И, конечно, это такое мероприятие, которое и останется в памяти как мощнейший светлый импульс. Я хотела вспомнить о том, как мы страдаем и скорбим об оскудении мужества вообще в мире. Вот мы с вами живем в

оазисе, плывем на замечательном корабле, на котором можно доплыть до самого последнего предела, и только иногда сравнения показывают нам, как чиста вода этого оазиса и как крепок этот корабль. В муниципальной, обычной, городской школе нет мужчин вообще. Даже физкультуру преподает женщина. И это очень страшно: мальчики растут, у них и дома, может быть, нет мужчины, и в школе вообще нет мужчин. И мы с вами в школе находимся среди педагогов-мужчин, руководителей, организаторов. И как будто так и надо. Но на самом деле это тоже еще одно большое чудо и огромное преимущество, и оно заставляет нас меньше чувствовать недостаток мужества в мире, от которого женщине приходится вести себя несвойственно своей природе, по-мужски, иногда мужиковато и иногда даже преступно. Почему я об этом говорю? Мужские и женские образы у Толстого особенные. Один литературовед, который пишет полухулиганские статьи, говорил: «Обратите внимание, любимые женские образы у Толстого - это внешне некрасивые женщины, формально некрасивые: Наташа некрасивая, княжна Марья некрасивая. То есть внутреннее содержание должно прорваться, преодолеть эту внешнюю неправильность. А единственная формально, внешне прекрасная женщина, классически прекрасная, - внутри ужасна, разрушительна. Она - война среди мира, вокруг нее начинается всегда война». Далее отмечается, что мужчины-то все у Толстого необыкновенно красивые, и даже нелюбимый герой может быть очень красив. И вот благодаря сценарию сцена наполнилась прекрасными мужскими образами. Сколько было мужества в их словах, в их жестах и в одеждах. Это еще одно восполнение глобального недостатка современного мира. И ваш спектакль сделал кусочек

жизни более гармоничным (с точки зрения, так называемой, гендерной ситуации). Молодые люди, юноши были очень мужественными, барышни прекрасными, женственными. А это теперь редкость. Сам сценарий (я не знаю, в какой мере вы это ощутили), если сравнить с киносценарием, который вынужден выделять именно action, поступки, какие-то дела, события, сам сценарий был удивительно литературоведческим. Но этого можно было ожидать от нашего любимого автора. Он выделял такие мелочи, которые не выделит ни один спектакль и ни один фильм. И этот сценарий был обучающим. Я думаю, вы все это почувствовали, и те, кто не читал «Войну и мир», и те, кто еще не скоро прочтет, и те, кто уже прочитал внимательно или не очень внимательно, - это был мощнейший обучающий момент именно по балансу событий, образов и деталей. Огромное спасибо вам за радость, за ваше искусство, за то, что вы играли каждый немножко себя. Мне кажется, что кастинг именно так строился. Может быть, я не совсем в струю попадаю, но мне все время так кажется: вы играли каждый немножко себя, но лучшую часть себя. И мне казалось, что преображались прямо во время этой работы. Огромная радость, очень яркий свет и мощное теплое добро исходило от вашей работы. Я вас поздравляю.

Саша Склярова: Мария Сергеевна затронула тему того, что у нас были очень красивые костюмы, образы. Мне бы хотелось поблагодарить Елену Борисовну за это и предоставить ей слово. Ведь все забывают, что костюмы - это тоже очень важно.

Елена Борисовна: Спасибо за слово. На самом деле я все записывала, и я сделала не так-то много, мне даже потом стало стыдно. Наполеон говорил: «Главное - ввязаться в бой!»

А там – будь, что будет. Я каждый раз с ужасом соглашаюсь, понимая, что это невозможно. Первое чудо – это появление Татьяны Георгиевны Волковой, которая сделала многие основные элементы мужских костюмов. Она профессиональный художник театральный. Кажется, недостаточно ее почтили и отблагодарили. Розы у нас выросли сами. Девочки сами перешивали платья, подбирали, меняли. Главное – выдержать нервотрепку, текущие моменты. Спасибо вам за то, как вы читали, за ваши интонации. Я смотрела много раз и еще бы 100 раз посмотрела. Для меня главное – не эффекты, а то, как вы читаете, мне всегда кажется, что хорошо. У меня любимые герои – это Кутузов, Наполеон, и остальные тоже замечательные. Спасибо за помощь, девочки 10 класса! Если бы не они в последний момент – была бы бессонная ночь и срыв нервной системы. Спасибо!

Саша Склярова: Все уже сказали о том, какая прекрасная постановка, что все так замечательно. А я хочу сказать со стороны участника этого спектакля. Оценивать я не могу, потому что я участвую, и конечно, мне все нравится: мне нравится участвовать, мне нравится наша постановка, потому что я все понимаю, мне не приходится сидеть полтора часа в зале. Лично мне показалось, что спектакль шел от силы полчаса. Потому что такое напряжение и пока успеваешь бегать... Мне хотелось просто сказать, что этот спектакль очень многое для всех участников сделал, потому что, во-первых, мы все сдружились. Лично я знала про многих людей только, как их зовут и фамилии, но лично не общалась. А на самом деле, такие прекрасные люди у нас в школе учатся... Я очень рада, что с ними познакомилась, и теперь, надеюсь, мы будем все общаться.

Сема Скляров: Иван Лазарев, Вам слово!

Ваня Лазарев: сначала, когда Анна Михайловна предложила мне играть автора, мне очень не захотелось играть его. Я думал, что это скучная роль, что читать слова по бумажке – это совсем неинтересно. Я очень люблю играть в театре, но мне хотелось более художественную роль, где можно поиграть. И даже когда я согласился, из вежливости, можно сказать, но не хотел играть. Сначала вяло как-то у меня получалось, но потом, постепенно, когда я выучил текст, когда у всех начал получаться общий один спектакль, когда мы все вместе вышли на сцену, мне очень понравилась даже моя роль, и я с удовольствием ее сыграл. А в конце мне вообще показалось, что она самая лучшая.

Отец Андрей: Многих гостей поразила ваша дикция, то, как вы произносите слова.

Сема: Да, это отдельная тема, ее надо обсудить. Сергей Лебедев, Вам слово.

Сереза: Я хотел пошутить, но скажу серьезно. Когда месяц назад Анна Михайловна сказала, что на престольный праздник ставим «Войну и мир», я прямо сказал Анне Михайловне, что не верю в это. Но все вышло очень хорошо. Мне и спектакль понравился, и все мероприятия, которые были связаны с праздником.

Сема: Слово Ивану Карнаухову

Иван: Я еще раз хочу поблагодарить всех тех, кто помогал в постановке этого спектакля, отдельное спасибо Анне Михайловне за ее терпение и ее потраченные нервы. Благодарю также всех участников спектакля за то, что не жалели свое время и вложили его в более важное. Вы навсегда, я думаю, останетесь в памяти нашей и всех. Отдельное спасибо хочу сказать постановщику бала, потому что

многие мальчишки не умели танцевать. Савватию большое спасибо, и Арине, конечно, и Савве, и всем.

Ариша: Я выступала первый раз, мне ужасно понравилось. Сначала я не ожидала, что меня выберут. Вообще я хотела сказать спасибо каждому, потому что сколько было моментов, когда я думала: «Все, будет все плохо!» Саша меня все время поддерживала, Лиза. Всем огромное спасибо, все молодцы. Всем большое спасибо. Анна Михайловна, Вам тоже!

Сима Давыденкова: Меня очень удивило то, что хотя мы играли спектакль много раз, каждый раз я его вновь переживала. Я не понимаю, как главным героям удалось играть роль каждый раз немножечко по-новому.

Лиза Стриевская: Анна Михайловна, я хотела сказать Вам огромное спасибо за этот спектакль, потому что, когда я получила роль старой графини, мне было очень неприятно, если честно, и я пыталась отказаться всеми способами. Я пыталась даже маму заставить помочь мне отказаться. Каждый раз после репетиций, и особенно шестичасовых, я приходила домой, и у меня были истерики. Я думала, что у нас вообще ничего не получится и все полный кошмар, есть люди, которые играют нормально, но у некоторых роли вообще не получались. Но в последние 2 недели наш спектакль обрел такой вид, что уже было приятно приходиться на репетиции, но все равно мы ужасно уставали, и было ощущение полного бессилия. Но мы ждали уже премьеры, и нам так хотелось сыграть. На последней репетиции нам сказали, что все ужасно и что, если мы выступим хоть как-то, – это будет слава Богу. И во второй половине дня в четверг мы стали одним целым, мы все вместе дышали. Мне кажется, не столько зритель пережил его на одном дыхании, сколько мы впервые

видели себя и друг друга теми героями, которых мы играли. И за это я хочу поблагодарить всех вас: и Анну Михайловну, и Анну Александровну, и Екатерину Александровну.

Сёма: мы выслушали впечатления участников спектакля, но мы не слышали мнения лица беспристрастного. Григорий!

Григорий Таганов: Это, действительно, замечательный спектакль, видно было, что вы прикладывали очень много усилий для того, чтобы спектакль получился именно таким, каким он получился. Лично на меня спектакль произвел огромное впечатление, я не ожидал, что он будет таким грандиозным.

Сёма: Я никогда не думал, что у меня будет возможность дать слово такому человеку... Но, видать, так сложились звезды. Наполеон хочет сказать.

Ваня Петров: Когда в понедельник я пришел в школу, я понял, что без репетиций очень сложно. Я привык приходиться к 10 часам, не ходить на уроки и уходить из школы в девять. Мне очень трудно было прожить вчерашний день. Мне понравилось очень репетировать, спектакль удался, спасибо, Анна Михайловна! И всем, кто участвовал!

Маша Максимова: я хочу немножечко сказать про главных героев. Все было очень классно. Особенно хочу поблагодарить Лизу Стриевскую, которая удивительно сыграла сцену, когда приходит письмо о том, что Петя умер. Каждый раз плакал весь зал, и я на каждой репетиции. Все молодцы, и я очень рада, что мне доверили роль (хоть и маленькую) в этом спектакле. У меня был шок, когда я узнала, что Наташу играет Арина, но увидев ее в этой роли, я поняла, что это очень хорошо. А княжна Марья была самая лучшая в мире.

Ксения Калужнина: Я хочу поблагодарить тех, кто был за кулисами. Во время репетиций мы вели себя ужасно, но в ответственный момент мы исправились и вели себя очень хорошо.

Таня Нефедова : я хочу сказать, что среди нас были не просто актеры, но и герои. Я хочу сказать про Сашу. Он пришел на спектакль в таком состоянии (прости, Саш), когда люди не встают с постели. А он играл, он танцевал. Я хочу сказать тебе спасибо, Саш. Еще я хочу сказать про Лизу. Когда она играет совою сцену, она каждый раз ее проживает. Есть люди, которые просто с выражением говорят слова – Лиза живет в этой сцене, она плачет каждый раз, когда смотрит на пустой листок и видит там слова, которых на самом деле нет... Когда я смотрю в зал, у всех на лицах написано, что это правда, то, что у Лизы в этот момент есть сын, который погиб. Чувство, как на похоронах. Я не знаю ни одного школьного спектакля такого, чтобы у зрителей были слезы на глазах.

Ариша: Я забыла, я хочу извиниться перед людьми, который из-за меня сидели на репетициях до 10 часов: это Саша, Савва, ты, еще Савватий. В общем , я замучила вас всех. Спасибо. Извините!

Серезжа: я хочу поблагодарить всех тех, у кого были хоть и маленькие, но все же значительные роли. Таких людей здесь много. Они спокойно, без ропота и ворчания отсиживали по 6 часов репетиций, ожидая своего выхода.

Сёма: я хотел дать слово организатору спектакля Наталье Сергеевне

Н. С.: Ребята, на нашем спектакле я впервые почувствовала, что значит аудитория. В четверг мне удалось посмотреть спектакль только частично, потому что я делила время между

спектаклем и выпускниками, которые к нам пришли. Полностью я смотрела в пятницу. Меня поразила (и вас, наверное, тоже) реакция зала. Потому что в четверг смотрели спектакль взрослые люди. Зал был настолько благодарным, вы не могли этого не почувствовать. Анна Михайловна говорит, что в какой-то момент ей показалось, что все ушли. А в зале была мертвая тишина. Это захватывает дух. Надо сказать, что и в больших театрах это редко бывает. Атмосфера взаимодействия зрителей и исполнителей была особенной именно в четверг. И поэтому Анна Михайловна говорит, что боялась оглянуться. Она была уверена, что сзади нет ни одного человека и нас ждет полный провал. А на самом деле, люди стояли битком, их было очень много. Не знаю, будет ли в вашей жизни еще такое: когда все зрители встанут и будут вам аплодировать стоя. Надеюсь, и вы когда-нибудь придете к нам в качестве выпускников, будете смотреть на школьную сцену и думать: «И я там был!»

Сёма: Слово Анне Ал. Прох.

АА: я хочу вам тоже немного порассказывать. Когда стало известно, что ставить будем «Войну и мир», меня, как и всех, охватил ужас. Потом я увидела сценарий и поняла, что там нет никакого экшена и что делать надо исключительно внутренней жизнью и игрой актеров. Либо дети перевоплотятся и своим внутренним нервом будут держать зал – либо это будет говорение, от которого в тоске расплзутся все зрители. Потом был подбор актеров. У меня была мысль: «Ну конечно, в роли Андрея Болконского Савватий Близнюк», а дальше многозначие и точка. Потому что я не могла себе представить, где мы будем брать всех остальных и как это будет. Потом я слышала, кого подбирает Анна Михайловна, и в основном у меня были

сомнения. Про кого-то я говорила: «Ну да, это, пожалуй...Нет, ну этого не может быть! Платон Каратаев – Ваня Нефёдов! Анна Михайловна, помилуй, Платон должен быть круглый и маленький!» и так про многих. Потом я слушала репетиции самые первые... «Анна Михайловна, ты меня прости, но то, что делает Савва... Это не Пьер Безухов и вообще быть не может». Потом я с Игнатом репетировала слова Кутузова, и передо мной стоял ученик, который с трудом подбирает слова и с ужасом вспоминает очередную реплику. Самое ужасное было то, что юбилей приближается, нам скоро играть спектакль, а в успех этого дела поверить невозможно. Кроме того, у нас в школе нет хореографии, и когда я увидела первые танцы – у меня было ощущение, что дрыгаются на сцене чурбачки – полешки. И тут надо отдать должное режиссеру, который из полешек сделал не то чтобы буратин, а людей, живых людей. И дальше, перескочив через все муки, которым я была свидетелем, скажу о реакции на спектакль 12 класса. В четверг, после спектакля, мы поднялись в 41 пить чай, и они разговаривали не о своих институтах и ни о чем другом.

Они перебирали всех персонажей и ахали: «Какой Кутузов! Нет, а Ваня Нефёдов, он открывает рот – и это Платон Каратаев! А Серезжа! А каков Наполеон! Это же самый Наполеон из всех Наполеонов!» И так о каждом. К вопросу о том, что не бывает маленьких ролей. У Вани Игнаткова было 2 фразы. Но когда он в последней сцене говорит: «Да колом его осиновым!» - это фантастика, это отличная игра! Я благодарна каждому. Простите, что я не назвала всех вас, потому что не было ни одного провального персонажа, совсем ни одного. Так не бывает, на самом деле, в школьной самодеятельности. Это уже другая ступенька.

Богдан: Могу сказать, что наш спектакль для всех стал неожиданный. По сути дела мы сделали из ничего то, что будут помнить ещё долго. Репетиции, подготовки и организации были не в пустую. Все были изнурены: и те, кто играли главные роли от частых репетиций и повторов, и те, кто играли второстепенную роль от долго ожидания своего выхода, ну и конечно же учителя, у которых отнимались уроки. И вот неожиданно для всех мы сыграли этот спектакль и все остались довольны!

Православная Свято-Петровская Школа

Духовник школы –
протоиерей Владимир Воробьев

Директор школы –
иерей Андрей Постернак

Газета подготовлена в медиа-центре «ТГ».

Адрес: 109028, г. Москва, Тессинский пер., 3.
<http://www.tgym.ru> e-mail: info@tgym.ru